

СВЕТЛЯЧОК

15.04.2014

№ 4 (37) Апрель 2014 года

• Не прошла мимо нас

С факелом – в библиотеку

Зимняя паралимпиада всё ещё жива в нашей памяти. А уж что говорить о тех, кто прикоснулся лично к её организации и проведению. Мгновенья шествия паралимпийского огня к Сочи стали яркими и незабвенными строками в жизни нашего земляка, призера паралимпийских международных и областных спартакиад, чемпионатов, фестивалей спорта, Федора Ризничука.

2 марта ему выпала возможность прикоснуться к истории паралимпийского движения: 170 метров по тверским улицам Федор пронес зажженный факел.

И уже на следующий день поделиться своими впечатлениями он приехал в библиотеку, работников которой считает близкими друзьями. Читатели могли видеть его фотографии, выложенные на библиотечном сайте. Он не раз бывал здесь на различных мероприятиях, а потом стал заезжать просто поговорить на волнующие его темы.

Так произошло и в этот раз. С собою Ризничук принес и факел, выкупленный по инициативе Федора администрацией Андреапольского района. Теперь факел займёт своё законное место в Андреапольском краеведческом музее.

За круглым столом, устроенным ради этой встречи, было решено, что своими впечатлениями Фёдор должен поделиться с учащимися школ района. Так что в библиотечных стенах ещё не раз вернутся к разговорам о событии отнюдь не рядовом.

Отношение к паралимпиаде имеет и ещё один человек, проживающий в Нелидове, но хорошо знакомый андреапольцам, любящим литературу. Это поэт Игорь Столяров. Он не раз бывал в нашем городе на поэтических встречах, выступал перед читателями андреапольской библиотеки, часто печатается в литературно-краеведческой газете «Светлячок».

Игорь поделился своими впечатлениями:

«2 марта в составе делегации членов ВОИ, а также представителей Администрации Нелидовского района я посетил церемонию встречи паралимпийского огня в Твери. Сразу же стало ясно, что праздник в городе удался. По улицам проходила эстафета паралимпийского огня, вокруг собрались яркие толпы народа, ощущалось общее радостно-взволнованное настроение.

Люди приезжали из разных районов области, и повсюду были волонтеры, готовые проводить прибывших в зал Дворца спорта «Юбилейный», где происходили главные события дня. На огромной сцене, построенной прямо на льду «Юбилейного», началась концертная программа с участием тверских артистов и спортсменов. Основным ведущим был гость из Москвы – комментатор Первого канала Виктор Гусев. Сама же сцена состояла из трех частей, на каждой из которых шли параллельные выступления певцов, спортсменов, танцоров, акробатов. На льду перед сценой также появлялись то фигуристы, то хоккеисты, а то и вовсе участники масленичных забав. В конце программы параспортсмен Александр Карасев и губернатор Тверской области Андрей

Шевелев зажгли паралимпийский огонь, после чего была осуществлена его виртуальная передача в Сочи. По ее завершении люди приветствовали всех спортсменов, участвовавших в эстафете передачи огня. У нас остались самые лучшие впечатления от увиденного в Твери, а мне удалось сделать много интересных фотографий».

• Гости клуба

Игорь Столяров

г. Нелидово

* * *

Замечаю вокруг недоброе:
Как-то вдруг неуютно стало.
Все не так: то вода не

мокрая,

То трава зеленеет вяло.

На планете своей заброшенной
Я – герой бессюжетной прозы:
То ли царь, то ли гость непрощенный.
Сад зачах, одичали розы.

И умчалось барашком облако
В ночь, обшитую черным плисом.
Лишь костер в этой тьме без проблеска
Льнет ко мне прирученным лисом.

Видно, зря, как в укромной спальне,
Я в глуши поспешил укрыться, –
И теперь оказался маленьким,
Постаревшим, усталым принцем...

* * *

...Кисть замерла, как птица, у холста,
Как будто что-то позабыла снова.
Стремленье ввысь – твоя первооснова.
Не торопись, пересчитай до ста –
Достаточно ли отблесков свечи
И призрачного утреннего света
Легло в палитру откровений лета?
Порвутся четки – просто помолчи.
Когда, искрясь, склонится высота,
Ты облака и сны перелистаешь
И сможешь вновь, окончив счет до ста,
Достать душой до белоплечей стаи.

* * *

Ночь ароматно-медвяным летом
томна и не темна.
С бронзово-смуглой груди амулетом
медно глядит луна.
Тихо грустят о полуденном зное
отблески звездных глаз.
Солнечный свет, отраженный луною,
напоминает нас.
Я – тайный шар: лишь поймаю твой лучик, –
Вспыхну ясней комет!
...Мне так легко становится лучше,
твой отражая свет.

* * *

Вам скажет каждый, кто изведал
Суму-тюрьму:
Совсем не важно, кем ты предан,
Важней – кому!

* * *

...Он – просто Божий шут с душой, открытой
людям.

Как нимб, горит чело, треща от тумачков, –
Но шут навеки тут, и Бог его не судит:
Лишь время – Высший суд для вещей дураков.

Когда придет черед быть «призванным и годным»,
Он не потушит дар в неискренних речах,
А встанет и пойдет – гонимый, но свободный,
Чтоб славить слово Честь в большом и в
мелочах.

Чтоб в гуще светских враг – поэтом ли, артистом –
Бесстрашием под дых бить трусость королей.
А после снять колпак – невидимый, но чистый,
И стать почти как все: «Проехали... Нале!».

* * *

«Мари Шарлотты больше не пекут шарлотки:
Теперь в окно струится дым других пиров.
Горят уста хвативших пороха дворов,
Крик площадей пронзил оплавленные глотки.
Слова без дел – пустышки, сколько их ни множь.
Ты знал, Марат: любой призыв – лишь полумера,
Но чем плоха была врачебная карьера?!
Все ложь!
Не жди ни жерминаля, ни брюмера,
Живи пока...», –
...Мари Шарлотта точит нож.

* * *

...Зыбкую дымку тумана стряхнули скверы.
Воздух снаружи пропитан густым да мокрым.
Утро стучится в мой дом, словно Гендальф Серый:
«Кто вам позволил считать ваше утро добрым?»
Солнышко поздно проснулось, неярко светит,
Тянется в стекла лучами и смотрит сонно
В хоббишь норы квартир, в коридоры сплетен.
Мастер Отмычка с ключами для домофона,
Я выхожу в этот город сырого неба,
Тихих дворов и тревожно шумящих улиц.
Стать королем в доброй сказке я смог вполне бы, –
Но предпочел домофонно-стоглазый улей...
Пусть вознесутся и в грязь упадут короны,
Мне в этой жизни досталось благое дело:
Каждое утро в себе побеждать дракона,
Чтоб на закате душа воссияла в белом.

• Мы помним вас

ОНА ЛЮБИЛА ПОШУТИТЬ

О том, что известная актриса Рина Зелёная родилась в наших местах, впервые недавно услышала от своей подруги:

– Как, ты об этом не знаешь? – удивилась она. – Я где-то читала, в каких-то местных изданиях.

Спросила одного, другого андреапольца – тоже не слышали. Ну разве не повод написать о таком интересном факте, подумалось мне, пусть люди знают. И кинулась в Интернет, заменяющий нам сегодня и музеи, и архивы. Сколько там ни копалось, выходило, что родилась известная актриса совсем в другом месте. Вот две выдержки с интернет-сайта: *«Жила-была девочка. Жила в маленьком одноэтажном Ташкенте, с кирпичными тротуарами, маленькими ишаками и проходящими караванами верблюдов. Девочка хорошо училась и много читала. Ее звали Катей, Екатериной».*

«В те времена никто никуда не переезжал - где люди рождались, там и умирали».

Одним словом, местом рождения значился Ташкент. Пришло в голову задать прямой вопрос Всемирной паутине: «Рина Зелёная и Андреаполь?» Выскочили следующие строки: *«Рина Васильевна Зеленая (1902-1991г.г.), родилась в д. Шеметово Серезинского с/с. Русская актриса, заслуженная артистка РСФСР. Предки актрисы жили в с. Матенец».*

Вот оно, обрадовалась я информации с одного из андреапольских сайтов, на котором был размещён список знатных андреапольцев. Но всё-таки где-то должно быть тому подтверждение? Битый час перебирала материалы о Рине Зелёной. Столько о ней узнала.

Например, как она превратилась в Рину: *« На первой в ее жизни афише имя "Екатерина" почему-то не поместилось, и актриса безжалостно его сократила. Получилось коротко и удобно».*

Или как она стала актрисой: *«Она шла по улице и увидела объявление: "Прием в театральную школу". Она и не подозревала, что профессии актера можно научиться. Вошла и прочитала стихотворение Никитина "Выезд ямщика", чем до слез насмешила знаменитых актеров Певцова и Шатрову. Из восьмидесяти юношей и девушек приняли двадцать два человека, в том числе и Зеленую».*

Об андреапольских корнях актрисы нигде и намёка не было. Везде значился Ташкент. Может быть, не хотела признаваться в своём дворянском происхождении? В те времена это не было предметом особого уважения, скорее, наоборот.

Мой поисковый азарт подогривало ещё то, что недавно прочла книгу известного краеведа Ю. Г. Попова «Плоскошь, Бончарово, Князьи Сёла», в которой были изложены материалы, собранные им во время путешествия по местам, расположенным недалеко от серезинских.

И раньше знала, что на Красносельском кладбище (ранее Княжесельском) покоится прах целой династии известных мореплавателей Зеленых. Имя одного из них даже на карте осталось, мыс Зеленым назван. Мне приходилось бывать на том погосте в юности, жила и работала неподалёку, в Бончарове. Расстояние оттуда до города Холма всего 52 версты, а до Матенца и того меньше. Вполне можно было предположить, что дворянские семьи этих мест общались между собой. И вполне могли быть связаны родственно. Так всё совпадало! А ударение в редких фамилиях Зелёная и Зелёные – такая мелочь, всего лишь фонетическая замена, произошедшая со временем.

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

Но и в книге Ю. Г. Попова не было и намёка на Рину Зелёную и её предков. А уж он-то не преминул бы об этом упомянуть. Выходит, вряд ли она наша землячка. Наоборот, нашла вот такое её заявление: *"Люди часто интересуются моей фамилией, - вспоминала актриса. - Одни спрашивали, почему я выбрала такой псевдоним, а другие уверяли меня, что я родилась в Одессе и что я дочь одесского градоначальника Зеленого, поэтому у меня такая фамилия. Мне приходилось отказываться от такого родства просто потому, что у меня был свой отец, хотя и не генерал"*. Кстати сказать, этот одесский градоначальник как раз из рода тех княжесельских помещиков, что следует из книги того же Попова.

И как в последнюю достоверную инстанцию обратилась в наш музей. Я бы и раньше это сделала, но все мои поисковые работы пришлось на выходные дни, а терпеть до понедельника, сами понимаете, сил не было.

– Ну хоть вы не распространяйте эту недостоверную информацию, – такими были первые слова возмущённого Валерия Линкевича, директора Андреапольского краеведческого музея, – я устал всем объяснять, что это не так.

Из дальнейшей вполне миролюбивой беседы с ним выяснила, что подобными вопросами, точнее не вопросами, а утверждениями, нашего хранителя всех достоверных тайн прошлого донимали не раз, что объясняло его первую реакцию на моё обращение. Он рассказал мне, что информация эта, скорее всего, родилась из воспоминаний нашего уважаемого и уже покойного сейчас ветерана, который якобы слышал подобную версию от своих родных, прежде живущих неподалёку от тех мест.

Рассказал Валерий Викторович и об Александре Сергеевиче Зеленом, одном из рода тех самых знаменитых мореплавателей. Вот он и жил в поместье Матенец. По причине хромоты с младенчества нашему Зеленому не удалось пойти по мореходной стезе. Но человеком он был интереснейшим и литературе не чуждым. Был автором многих статей, опубликованных в журналах. Кроме того сам писал пьесы. Материалы о нём есть в нашем музее. Договорились с В. Линкевичем, что позднее мы подробнее расскажем читателю об этом нашем земляке.

А что же Рина Зелёная? Оказывается, не так давно в наши места приезжал правнук А. С. Зеленого. И ему был задан вопрос о месте рождения актрисы и её родстве с нашими Зелеными. Ответ был отрицательным.

– Пока у меня не будет конкретной бумаги, подтверждающей эту версию, я не считаю предположение фактом, – резонно заметил директор нашего музея.

Краеведам в этом и разбираться. А нам с вами, дорогие читатели, какая разница, где именно она родилась. Рина Зелёная – землячка всем, кто помнит её Миссис Хадсон из фильма «Шерлок Холмс», мудрую черепаху Тортиллу из «Золотого ключика...». Главное, что есть лишний повод вспомнить любимую многими актрису. Примем это за её очередную шутку.

Она любила пошутить. До сего дня повторяются фразы её киногероев, ушедшие в народ. Например, придуманная ею реплика из фильма «Подкидыш», сценарий к которому написали Рина Зелёная и Агния Барто: «Муля, не нервируй меня», - которую мы и сегодня произносим, когда нас достают. Известны её собственные афоризмы: *«По правде говоря, тогда я тоже воображала, что у меня есть внешность. Во всяком случае, выходя на сцену, я всегда точно ощущала себя высокой красивой блондинкой»*. *«Средство от бессонницы: надо считать до трех. Ну, максимум, до полчетвертого»*. *«Бездарностей на халтуру не приглашают»*.

Рина Зелёная всегда очень несерьёзно относилась к своим наградам. «Уж если меня и наградят, так непременно за 40 минут до смерти», – смеялась она. Так и получилось. 1апреля 1991 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ о присвоении Рине Зелёной звания народной артистки СССР, но в тот же день, несколько часов спустя Рина Васильевна скончалась.

Посмеяться над самой смертью? Многим ли это по плечу.

Маргарита Петрова

• Новое имя

Татьяна**Мчедlishvili**

Известная в Торжке и Твери поэтесса, автор нескольких поэтических книг. На её стихи написаны песни торжокскими и московскими композиторами. Жена нашего земляка Юрия Смирнова.

«В Люблино гостила у свекрови в летние отпуски. Бывала в Андрееполе в музее у Линкевича - очень понравилось!!!» - пишет она.

* * *

Солнце – горошиной
За горизонт.
Дождик непрошенный
Вымочил зонт.

Сердце заблудшее
Ищет ответ...
Самое лучшее
Сложим в букет.

Даже засушенный, -
Пусть он стоит!
Есть между душами
Странный магнит.

Тонкими нитями –
Цепи имён...
Только не рвите вы
Связи времён.

ОДНОНОГИЙ

Над травой туман повис,
Над дорогой...
И фонарь склонился вниз
Одноногий.

Там, в тумане, чуть дыша
Мутной дымкой,
Чья-то плавала душа
Невидимкой.

А фонарь таращил глаз
В омут этот...
Так старался, что погас
До рассвета.

Ситуации такой
Испугался
И в тумане с головой
Искушался.

Он рванул бы, хоть куда,
Без дороги.
Только был он, вот беда, -
Одноногий.

* * *

Заблудились, заплутали
Среди кочек и лесов
В заповедно-дивной дали
Семь бревенчатых домов.

И стоят они нестрога,
Крыши - кепки набекрень;
Пёс притихший у порога
Да подкошенный плетень.

Ветерок встревожит дрожью
Пожелтевшее жнивье,
И пылит по бездорожью
Детство давнее моё.

Там в полях глаза льняные
Отражают синь небес.
Там края мои родные,
Там - моя страна чудес!

Там вечерние туманы,
Как парное молоко...
Там - рубцуются все раны,
Там - так дышится легко!

Там кленовые ладони
Душу лечат от потерь...
Там, в закатных зорях, тонет
Всё, чем я живу теперь.

* * *

Взгляну на фото, - сердцу грустно
И вновь волнуется душа.
Вот подошел ты, льдинкой хрустнув,
И я застыла не дыша...

В словах и поцелуях нежных
Не отыскать сомненья след.
И я была такой безгрешной
И чистой, словно первый снег.

И мы кружились, словно дети,
И вторил нам снежинок вальс...
Счастливей не было на свете,
Наверно, в целом мире нас!

А жизнь ласкала и кусалась...
И в этом хаосе проблем
Мне фото лишь твоё осталось.
А ты, мой милый... С кем ты? С кем...

• Молодые голоса
п. Бологово
Юлия Алексеева

Зимний вечер. Сажу у камина.
В плед укуталась. Книгу
листаю.
Уж двенадцатого половина,
Ну, а я все о принце мечтаю.

Сорок пять мне исполнилось летом,
За границу с подругой летали.
Полетела бы с мужем... да, нету.
По-другому меня воспитали.

Помню, с детства, твердила мне мама:
"Деньги-всё в этом мире, – запомни! –
Пока на ноги крепко не встала,
Никакой чтоб дурманной любви!"

С этой мыслью закончила школу.
Никаких отношений. Учеба.
Академию – с красным дипломом.
Мама счастлива. Ну, так еще бы!

Дальше – бизнес, работы навалом.
Конкуренция, стрессы и срывы.
Денег много. Времени мало,
Но зато, я горда и красива!

Отношения не заводила,
Всех считала дерьмом и нулями.
"Королева ты, – мама твердила, –
И должна быть лишь с королями!"

В деньги я очень быстро втянулась.
Дальше – больше, я их полюбила.
Да, неплохо тогда развернулась:
В центре Невского трешку купила.

Бизнесумен меня называли,
Стильной леди, эффектной и статной,
Мужики по мне слюни пускали...
Тут же их глотали обратно.

Всё шикарно: квартира, машина,
Мама вновь по Мальдивам летает.
Ну, а я сажу у камина,
И чего-то мне не хватает.

К коньяку приложилась нехило:
Дала мыслям свободу и чувствам,
На всю громкость Стаса включила-
Как же мне одиноко и пусто!

Я шептала, что больше не надо
Денег, славы, советов людей,
Я хочу любимого рядом,
И, как минимум, трое детей.

Долго я в подушку рыдала,
Лишь с дневными уснула лучами.
Что ж ты, мама, мне не сказала,
Что корона не греет ночами?

Аня Бигарь

Солнца лучики целуют
Золотую красоту,
Ветер с листьями танцует,
Их хватая налету.
Осень просто, просто осень
Лето на ветрах уносит...

* * *

Потихоньку тает
На столе букет.
Листья опадают,
Настроенья нет.
В чистом русском поле
Выросли цветы,
Не живут в неволе,
Лишены мечты.

* * *

Росли молодые берёзы,
А стали колючие ели...
Здесь были когда-то и грозы,
Но им здесь уже надоело.

Здесь были цветные росинки,
А стала сухою трава.
Россия, такая Россия
Нам здесь и сейчас не нужна!

Нужны молодые берёзы,
Родины нашей княжны,
Закаты, весёлые грозы,
Цветные росинки, как сны.

* * *

Смотрю в окно и вижу бабочку живую,
Как будто это всё чарующий мираж!
Я на стекле такую ж нарисую,
И у меня получится витраж.

Застынут крылья на холсте прозрачном
Напоминаньем чистой красоты!
А было полотно каким-то мрачным,
Из той стеклянной грустной пустоты.

* * *

Не знаю нот, перебирают пальцы не спеша,
Тихую мелодию стучит по клавишам душа.
Всё замерло, прислушиваясь к звукам этим.
Так тишина звенит в холодном лунном свете.

- Хранится в памяти моей

ИСТОРИИ С ТОРОПЕЦКОГО ТРАКТА

Эта старая, идущая через леса и болота дорога в прежние времена не пустовала, была основным полотном, связывающим несколько глубинных населённых пунктов нашей местности.

Когда-то мой дед, Иван Петров, ходил по этому большаку из своей деревни Ерофеево под Торопцем в Осташковскую церковь. Как водится, шли босиком, а новые лапти несли перекинутыми через плечо. Дед мой, говорят, хаживал и в лаптях, а через плечо нёс сапоги, потому как был крестьянином работающим, удачливым и зажиточным.

В жизни иногда случаются интересные совпадения. Во времена Столыпина дед попробовал перебраться в Иркутскую область. Там бесплатно давали землю. В городе Бирюсинске, где думал обосноваться, показалось неудобно: природа, быт другие. Приехал назад, в родные края. Привез из Сибири трофей – интересной конструкции самогонный аппарат. А спустя годы в этот же Бирюсинск по распределению после института был направлен его младший внук, мой брат Александр.

Деду моему очень нравилось местечко Великое Село, расположенное на месте Андреапольского аэродрома и рядом. Присмотрел его как раз во время походов в Осташков. «Эх, жить бы там», - говаривал он не раз. Но ему не случилось. Однако пришлось в этих местах на долгие годы обосноваться другому его внуку, то есть мне.

Немало историй приносилось и хранилось им из этих пеших походов. Жалко, что не вспомню теперь их. Но свои истории на этой старинной дорожке случались и у меня.

ПРИЗРАК

Первая история, пожалуй, не столько о самой дороге, сколько о людях из ушедшего почти поколения, наших родителей. В период, о котором мой рассказ, бывший Торопецкий большак, совсем уже пришедший в негодность, частично восстановили на территории Андреапольского района. В период Великой Отечественной над этим потрудились немцы, используя её как стратегическую ветку для транспортировки военной техники. Они соорудили лежнёвку для временного пользования. А в восьмидесятые годы дорога потребовалась польским строителям, возводившим в нашем районе нефтеперекачивающую станцию. Поляки возили из тех мест песок для прокладки нефтепровода.

В тот день из Сушина, деревеньки неподалеку от Мартисова, мне позвонила мама:

- Сынок, тут люди из Москвы прибыли наш дом смотреть, купить хотят. Ты бы приехал.

Я, как всегда в неотложных делах, ответил ей, что не смогу никак. Пусть денёк-другой подождут. А к вечеру как-то мне стало беспокойно. Отодвинув дела, отбросив сомнения и понадеявшись на высокую проходимость Уазика, выехал по тому самому большаку в направлении материнского дома.

Девятый час пополудни. Смеркалось. В короткие осенние дни и на открытом пространстве темно уже в такое время, а в лесу тем более. Еду. То и дело попадаются кабаньи тропы, кое-где медвежьи следы пересекают дорогу. Дело привычное, дорога-то глухая, ездят по ней только смельчаки, не боящиеся застрять в местах, где помощи точно ждать не от кого.

Вдруг вижу вдалеке женщина с палочкой со взгорка спускается. И что-то такое знакомое в ней узнаю. Всматриваюсь. Мама?! Откуда? Быть того не может! В ночном почти лесу. До Андреаполя больше 20 километров, с другой стороны до ближайшего населённого пункта километров 10. В голову полезло разное. Вспомнились истории о призраках со старых дорог. Состояние было близким к тому, когда говорят «волосы встали дыбом».

Как подъехал, как дверь открывал - не помню. Только когда «призрак» заговорил маминым голосом, пришёл в себя. Это действительно она и стояла передо мной, нарядно одетая, «на выход», в парадной косыночке, на палочку опирается.

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 7).

Оказалось, московские гости, не захотевшие терять времени, не имеющие ни малейшего понятия о наших дорогах, решили сами ехать в Андреаполь. Услышав от матери, что Витя, то есть я, ездит по этой дороге, они пустились в путь, даже лопатку с собой не прихватив, на легковом автомобиле. Понятно, что в первом же сложном месте и застряли намертво. Мама, чувствуя себя виноватой в случившемся (не отговорила), решила их выручать. Оставив москвичей в машине, в свои семьдесят пять лет отправилась пешком в дальний путь глухой лесной дорогой.

- Как же ты решилась на такое?

- А что ж делать, сынок, оставалось? Как людей бросить. Думаю себе: «Витя за час ездит, так я, наверное, часа за два дойду». И отправилась. А тут и ты едешь.

Теперь, когда мамы уже нет, я часто вспоминаю об этом. И до сих пор удивлению моему нет предела. Она не думала о себе, годах своих, здоровье, страхах, которые так естественны в глухом безлюдном месте. Главное для неё было – не подвести людей.

КЛАД

Год точно не помню, но это было 7 марта. Мать, похоронив отца, жила в деревеньке одна. Как не поздравить старушку в Международный женский день. Ехать можно было и окружным путём, через Хотилицы, Мошки, пересечь железнодорожное полотно. Но, пожалев времени, пустился опять по торопецкому большаку. Еду, дорога то есть, то нет. Поднимаясь на взгорок, стал объезжать непроезжее место и забуксовал в глубоком снегу. Как ни крутился, свалило меня в кювет. Да и кюветом-то это назвать нельзя, но из колеи выбросило.

Вот и приехали, думаю. Самому не выбраться. Дело к ночи, часов десять примерно. Прикинул, что до ближайшей деревни километров шесть. Знал, что там тракторист живёт. Но куда ночью пойдёшь по лесу. Решил заночевать в машине. Собрал все коврики, которыми сиденья были прикрыты. То включу мотор, то выключу. До раннего света дотянул.

В деревню пришёл, а там к празднику готовятся. Бутылочка у меня с собой была. Хозяйку поздравил. Стал тракториста уговаривать, помощи, мол. Не знаю, пошёл бы он со мной, если бы в разговоре не выяснилось, что он хорошо знал моих родителей. Скомандовал жене греть воду, чтобы залить в радиатор. Вечером, опасаясь мартовских морозов, воду слили.

Поехали. Время за беседой коротаем. И как-то так вышло, что он мне приоткрыл тайну свою одну. Клад он нашёл однажды. Клагоискателем не был, был землепашцем. Вот и выпал однажды какой-то блестящий предмет. Оказалось, он потревожил горшок, полный золотых монет. Взял грех на душу, не стал сдавать государству. Я не допытывался, как он ими распорядился - семья, дети.

А рассказу не удивился. И раньше от местных стариков слышал, что находили вдоль тракта ценные вещи и схроны. Здесь путь на Москву пролегал когда-то. Разного люду хаживало и ездило. Есть при дороге в одном месте остатки могилы какой-то важной персоны, стоял там крепкий каменный крест с надписью, стёртой годами. Но старые люди помнят, что покоится там генерал, то ли польский, то ли французский. Надпись хранит следы позолоты. «Золотом буквы прописаны были», - так пожилые люди говорили.

А ещё помню рассказы, что в наши уже времена в озере на Любутах клад французский древний искали. Озеро на горочке, догадались вырыть канавку для спуска воды самотёком. Но не получилось ничего из этой затеи.

Вообще, окрестные места там помещики населяли. Даже один из известных революционеров террористов, теоретик их движения, говорят, бывал здесь. Его собственное поместье под Торжком располагалось, а в этих местах его родственники жили. У них целая подпольная община революционеров-террористов обосновалась, на собственной кузнице работали.

РОМАНТИКИ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

И ещё одна история помнится. Было это на той же дороге на границе двух районов – Торопецкого и Андреапольского.

Стояло жаркое сухое лето, поэтому забуксовать я не опасался. Но без приключений и эта поездка не обошлась. Где-то ближе к деревне Покровское уже издали услышал я необычные для

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 7-8).

здешних мест звуки: гудение техники, визг пилы. Насторожился.

Подъезжаю. Всю проезжую часть загородил лежавший поперёк дороги и рядом с ней свежеспиленный лес. Здесь же погрузчик, машина, готовая под погрузку. С десятка крепких чернявых мужчин с железными крюками суетятся рядом. Кавказцы? Молдоване?

Сдал чуть назад. Жду. Работают явно нелегально. Здесь никаких лесоразработок точно вестись не должно. В том районе даже охота была запрещена, в своё время бобров в этих местах разводили. Один, видимо, старший, русский по внешности, то и дело косит недобрый глазом в мою сторону. Как тут не вспомнить детскую песенку из мультфильма про разбойников со словами:

Работники ножа и топора,
Романтики с большой дороги.

Честно говоря, под ложечкой у меня в эти минуты посасывало, в те лихие годы подумывал и о пуле, невзначай выпущенной в нежелательного свидетеля чернявыми лесозаготовителями. Но обошлось. Погрузив на машину часть леса, освободили одну сторону дороги, давая возможность проехать. Я, не дожидаясь неприятностей, ударил по газам. Через несколько километров со стороны Торопца навстречу мне проскочили две машины с лесоохрановскими номерами. «Значит, блюстители лесных законов в курсе. А, может быть, и заодно с лесозаготовителями», - подумалось мне.

В конце восьмидесятых разграбление лесов ещё не шло полным ходом. Это были, так сказать, первые чёрные ласточки.

Виктор Петров,
Конаково - Андреаполь

От редакции

Мы выяснили, что речь в истории под названием «Клад», вероятнее всего, идёт о Богдановиче Юрии Николаевиче, дворянине Торопецкого уезда Псковской губернии, сыне торопецкого землевладельца. Родился он 1 апреля 1849 г. в селце Никольском под Торопцем. Учился в Псковской гимназии; окончил Землемерно-таксаторские классы в Пскове. Поступил в 1869 г. на службу в качестве уездного землемера Великолуцкого уезда, получив чин коллежского регистратора. Летом 1871 г. посещал во Пскове собрания в квартире Ап. Ник. Лидовой, где читались социалистические книги и проводились антиправительственные идеи. За ним, как и за другими участниками собраний, был установлен негласный надзор. В том же году подвергнут обыску; по распоряжению губернатора запрещено посылать его в летние командировки. Вышел в отставку и поступил вольнослушателем в мед.-хир. академию в Петербурге; сошелся там с членами кружка чайковцев.

Летом 1874 г. уехал в имение своего брата Николая в село Воронино Торопецкого уезда (ныне Андреапольского района), где работал в кузнице и в течение года хорошо изучил кузнечное ремесло. По его указаниям брат его принимал в кузницу рабочими и других революционеров (А. К. Соловьев, Адр. Фед. Михайлов и др.). Вскоре после приезда в Воронино безрезультатно обыскан. В 1875 г. ездил в Москву, где принимал участие в совещании революционеров, имевшем целью объединение различных кружков. По возвращении из поездки открыл свою кузницу и слесарную мастерскую, которую вскоре пришлось оставить. Перешел на нелегальное положение, оказавшись под угрозой ареста по «делу 193-х». Летом 1876 г. принимал участие в устройстве побега П. А. Кропоткина из Николаевского госпиталя в Петербурге.

Осенью 1880 г. вызван В. Н. Фигнер в Петербург. По приезде вошел в состав Исполнительного Комитета партии "Народной Воли" и принял на себя обязанность быть хозяином подпольной квартиры на Малой Садовой, откуда было решено вести подкоп под улицу для устройства взрыва при проезде Александра II.

Арестован 13 марта 1882 г. в Москве под фамилией сына надворного советника Владимира Прозоровского.

Судили Богдановича весной 1883 года в рамках "процесса 17-ти" над народовольцами-террористами, вынесенный ему смертный приговор был заменён бессрочными каторжными работами. С 4 августа 1884 года Богданович содержался в Шлиссельбургской крепости, где и умер 18 (30) июля 1888 года от туберкулёза.

• Новые книги: предлагаем,
рекомендуем

Недавно сразу два андрепольских автора получили тиражи своих новых поэтических сборников, выпущенных в Твери. Книги можно приобрести в книжном магазине города или прочесть в Андрепольской библиотеке.

«ЖДУ ВЕТРОВ» – вторая книга

Маргариты Петровой. В первые две части её вошли стихотворения, написанные в последние два года. Лучше всего её творчеству подходит определение «душевное».

Известный тверской писатель, член СП России Валерий

Кириллов так пишет о ней: «Любовь к отчему дому, уважение к традициям предков, тонкий психологизм её стихов позволяют, на мой взгляд, говорить о ней как об одном из значительных тверских поэтов».

Третья часть сборника – «Ветренные забавы» включает строки, написанные в разное время для творческих тусовок, поэтических капустников, по прочим весёлым поводам.

«ПОПЫТКА ПОЭЗИИ» назвал свой второй сборник Владимир Юринов. В него вошли лучшие стихи поэта, созданные в разные годы.

Удивительная философская глубина, высокая художественность

повествования и скрупулёзная работа со словом, со звуком – вот то, что отличает его поэзию.

«Давно не приходилось открывать для себя, читать и перечитывать большого поэта-современника. От одного стихотворения к другому я всё больше ощущал даже некоторую растерянность: неужели он и так может? Неужели и так чувствует?.. С этим сборником и с этим поэтом не хочется расставаться. Моя душа откликнулась на очень многое в рукописи. Но более всего – на стихотворение «Станционный смотритель», – напишет во вступительной статье член СП России Вячеслав Воробьёв.

• Невыдуманные истории

СЫН ЛЮБОВНИЦЫ

- Мама, зачем ты осуждаешь мою подругу, которая родила ребенка от женатого мужчины? Она же в семью его не влезла, по чужой жизни ногами не прошлась. Родила сама для себя, рассчитывая только на собственные силы. Не претендуя на его помощь. Право женщины – иметь ребенка, – говорила матери дочь.

– Ты думаешь легко было жене того мужчины знать, что у ее мужа ребенок на стороне? – рассуждала мать и поведала дочери вот такую историю.

Жила в нашей деревне семейная пара Николай и Тамара. Детей у них не было. Что только не предпринимали супруги, чтобы вылечиться от бесплодия, но их старания не увенчались успехом. Вначале они горевали. Особенно когда видели маленьких ребятшек. Невольно на их глазах появлялись слезы. Детишки как бы напоминали, что их иметь не суждено Николаю и Тамаре, как в стихотворении: «Моих детей не будет никогда». А потом супруги смирились со своей судьбой. Даже находили преимущества в своем бездетном существовании, особенно когда видели, как мучаются соседи с неблагополучными сыновьями и дочками.

Но их спокойной жизни пришел конец, когда у Николая появилась женщина на стороне. Федора и не думала скрывать их отношения, даже на глазах у жены заглядывалась на Николая. А потом у любовницы родился сын. Когда он был совсем маленьким, качался в люльке, односельчане уже заметили его сходство с Николаем. И чем больше он подрастал, тем ошутимее было это сходство. А когда стал подростком, во всем походил на Николая.

Тамара как могла, избегала встреч с сыном любовницы мужа. Но в маленькой деревне это было невозможно. Каждый раз при встрече с парнем ей становилось горько на душе.

Она в душе ругала и проклинала мужа, но в то же время понимала, что Николай желал иметь своего сына, пусть даже и не от жены. Ему хотелось продолжить свой род. И тогда она приняла решение – уехать из деревни, заранее ничего не говоря об этом супругу. Собрала вещи и покинула свой дом.

В эту же ночь Николаю приснился сон, в котором покойная мать его предупреждала: «Никогда не женись на Федоре». Он внял совету, к тому же, несмотря на порочную связь с Федорой, в глубине души Николай все равно любил Тамару. Никакая случайная связь не заслоняла ему этого чувства. Даже внебрачный сын не отдал его от жены. Ведь их с Тамарой связывали долгие годы счастливой, пусть и бездетной жизни. Они всегда были близки друг другу по духу. Николай уехал к Тамаре. Они стали жить вместе, а Федора спилась. На чужом горе счастья не построишь.

Г. ЕРМОЛАЕВА

• Нарочно не придумаешь
ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ ВЕРТОЛЕТ

Поэт и музыкант Михаил Ильюшонок везде свой, даже среди тех, кто его вряд ли хорошо знает. Он ровесник каждому общительному человеку, любящему пошутить. Мастер на все руки: телевизор отремонтировать или сенокосилку, машину после аварии восстановить, медведя на охоте завалить. Словом, везде человек востребован.

Случилось ему 1 апреля на УАЗике в бездорожье ехать в одну из деревень Тверской области, чтобы доставить столичных детей, гостивших в весенние каникулы у бабушек, к поезду на вокзал. Снегу тогда намело! Не то что нынешней зимой. В тот год машина еле доехала до глухого уголка. А у деревни тоже не развернуться.

Ребятишки, увидев транспорт, высыпали на крыльцо. Вышли и взрослые, поздоровались. Уставший от непроезжей дороги, но не потерявший оптимизма водитель вылез из кабины и серьезно сказал:

– На машине не пробиться. Будем чистить снег – готовить вертолетную площадку. На вертолете полетите?

– Полетим! – радостно заверещали дети и побежали искать лопаты. Снег отбрасывали веселой и дружной компанией – кусочек старого футбольного поля помогли расчищать и деревенские ребятишки. Взрослые, глядя с каким энтузиазмом трудятся дети, перемигивались.

Когда площадка была готова, чтобы машине можно было развернуться, Михаил сел за руль, проехался по расчищенному месту и поставил УАЗик «носом» в сторону от деревни. Почесав свою шапку, задумался. Как же сказать ребятам, что никакого вертолета не будет, чтобы первоапрельская шутка не рассердила усердных тружеников, поверивших в вертолет? Ребятишки смотрели на дядю Мишу, а дядя Миша молчал.

Вдруг где-то над лесом послышался вертолетный рокот. Шутник Михаил закусил губу, оторопел. Не может этого быть – вертолет! Взрослые недоуменно заморгали. Раздалось громкое «Ура!!!».

– Вертолет, вертолет! – звенели детские голоса. В небе действительно четко вырисовывался контур винтокрылой машины. Люди повыскакивали из всех домов, начали кричать и махать вертолету руками. Ребята и их бабушки кричали:

– Сюда, сюда, мы здесь!

Вертолет сделал один круг, второй и... улетел. Михаил сразу же нашелся:

– Эх! Маловато расчистили, придется пробиваться на машине, – и весело добавил, – поздравляю всех с 1 апреля!

– И вас тоже, и вас! – хохотали в ответ все от мала до велика. Дети начали садиться в машину. Один из детей тихо произнес:

– Если б всей деревней работали, то летели бы сейчас на вертолете.

– Внимание! – все услышали командный голос водителя. – Пристегните ремни, мы отправляемся в путь.

Заурчал мотор, засвистел ветер – поехали. Деревня отдалялась, домики стали крохотными, а снега, похожего на облака, становилось больше. Путешественники увидели много-много света изумрудного неба. Весна пела звонкими голосами ребят:

Мечты сбываются!

Татьяна ЛАПКО

Великие Луки-Андреаполь

На снимке: Татьяна Лапко и Михаил Ильюшонок.

- Как-то вдруг неуютно стало

Василий Рысенков

г. Торжок

Прикрывали спину дождём.
Мед искали в гнёздах осиных.
Апельсинов ждали и ждём
От сожжённой веком осины.

Стережём бродячую муть.
Приручаем дикую вьюгу.
Тёмный заколдованный путь
Водит нас по кругу, по кругу.

Возвращает в ту же судьбу,
В тот же день, бесплотный и блёклый.
Жалкую родную избу
Поцелуй в ослепшие стёкла.

Привыкай и снова живи.
Мы ещё другими не стали:
Не сошли с ума от TV,
О шальных деньгах не мечтали...

Битое стекло на полу.
У тумана вкус валерьянки.
А народ «идёт на иглу»,
Как, бывало, деды – под танки.

Владимир Юринов

г. Андреаполь

Дни, как снежинки, тают на щеках
и стягивают кожу, высыхая,
а мы всё реже говорим стихами,
всё чаще возвращаясь без щита.
Судьбы так хрупок сдвоенный сосуд!
Текут мгновенья с шорохом песочным,
вначале – точки, позже – многоточья,
всё меньше остаётся на весу.
А мы беспечно прозябаем в снах,
смеёмся, скачем, целя прямо в звёзды,
не ведая, что радоваться поздно –
карманы оттопырил нам сквозняк,
что конус вдруг прорвётся пустотой,
и мы заглянем внутрь и, холодея,
увидим там...
Никчемная затея.
Он пуст, нет – хуже – полон темнотой.
И, цепenea, упадёт рука,
и за порогом бесконечной ночи
останется лишь холмик, многоточья
и, дай-то бог, чтоб хоть одна строка.
Но нам смешно, мы бегаем по саду,
малюя чьи-то рожицы углём,
а ночь уже таится за углом,
к нам приближаясь в вихрях снегопада...

Маргарита Петрова

г. Андреаполь

Здесь сумрачные люди по комнатам сидят,
Очками заслонившись, из щёлочек следят:
Как жил и что нарушил, покаялся ль в грехах,
Не изливал ли душу в лирических стихах.

И щёлканье запоров за сгорбленной спиной,
Как клацанье затворов пред гибельной стеной.
Уже приговорили, и, как ты ни крутись,
Твои пути-дороги отсюда только вниз.

Бежать, не медля, срочно. Но только вот беда:
С погибельного места не ходят поезда.
И как могло случиться, что оказался тут?
Найти б тот поворотик, сменивший мой
маршрут.

Мария Черкасова

г. Андреаполь

Дождь, как нудная старуха,
Депрессухой долбит в ухо.
Пессимизм, как старый дед,
В валенки зимой одет.
Только летом и весной
Снова встретимся с тобой,
Оптимизм – дружочек мой.

Наталья Шабанова,

п. Чистая Речка

ДОЖДЬ В МАРТЕ

Вид из окна, ну прямо скажем, скучный:
Сырое небо, слёзы на стекле.
Дождь лижет снег безрадостно, беззвучно,
И так противно путнику во мгле.
Чернеет лес широкой окаёмкой,
Проталин жаждут первые грачи.
Весна-художник заразилась съёмкой,
Готов пейзаж и рамка из ночи.
Следы петляет слёзная дорожка.
Стекло промыто – лучезарней свет.
Весне навстречу протяну ладошку.
Хандре и скуке я отвечаю: нет!

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Вот так, с помощью незабвенного Рыгтынкау, мы вновь незаметно вернулись к теме прапорщиков. Тема эта, надо сказать, до конца ещё не раскрыта, ибо одно из замечательных свойств орловских хорунжих пока оставалось за рамками нашего рассказа. И не вспомнить об этом свойстве никак нельзя.

Свойство это сколь замечательно, столь и специфично – орловские прапорщики были изумительно живучи (как в этой связи не вспомнить главу «О жизнелюбии»?!).

Из уст в уста в орловском гарнизоне передавалась легенда о некоем хорунжем – начальнике полигонной команды, который, эвакуируя с полигона неразорвавшуюся 250-килограммовую бомбу, умудрился эту бомбу подорвать, практически сидя на ней. И отделаться при этом только сотрясением мозга, раз и навсегда доказав всем скептикам, что мозги у прапорщиков всё-таки есть.

Не знаю, что было правдой, а что вымыслом в этой древней легенде, но два замечательных случая с непосредственным участием прапорщиков произошли уже в мою бытность в Орловке.

ИТАК, ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Однажды поздно вечером к дежурному по одной из орловских частей, старшему лейтенанту, зашёл в дежурку, в гости, прапорщик той же части, тоже стоявший в наряде, но только дежурным по автопарку. Зачем к одному дежурному в ночное время может прийти другой дежурный? Правильно! Чтобы в спокойной обстановке тихо и мирно попить водки.

Старлей уснул своего помощника – сержантика-срочника – в казарму отдохнуть и, дабы скоротать время, предложил прапорщику сыграть «за рюмкой чая» партейку в шахматы. Как интеллигентный человек интеллигентному человеку. Прапорщик согласился.

Что они не поделили за шахматной доской, о чём у них вышел спор – может, о преимуществах гамбита Таля над атакой Кереса или, может, о различных вариантах ладейных окончаний – кто знает. Но в один прекрасный момент, разгорячённый шахматными эмоциями и принятым вовнутрь литром алкоголя, прапорщик, не вставая со своего места, прямо над расставленными на доске фигурами, отвесил старлею увесистую оплеуху. Шах! Старлей, разумеется, не остался в долгу. Ещё бы, ведь была задета не только его офицерская, но и его шахматная честь! Он, однако, не стал опускаться до вульгарного мордобоя, свойственного нижним чинам, а чисто по-офицерски, интеллигентно, достал из кобуры свой табельный ПМ, передёрнул затвор и, тоже не вставая со своего места, выстрелил своему сопернику в лоб. Прапорщик, взбрыкнув в воздухе ногами, вместе со стулом опрокинулся навзничь. Мат! Перегнувшись через стол, старлей убедился, что оппонент шахматного спора не подаёт признаков жизни, после чего спрятал пистолет обратно в кобуру и, придвинув к себе телефон, принялся звонить начальству.

Через полчаса в дежурке было негде упасть яблоку. В тесном помещении толкались, матерились и по очереди звонили по телефону: начальник гарнизона с замполитом гарнизона, командир части со всеми своими заместителями, командиры и заместители командиров подразделений старлея и прапорщика, дежурный по гарнизону и, разумеется, доктор – начальник медслужбы полка. Обстановка была крайне нервной. Дым, как говорится, стоял коромыслом. А посреди этого начальственного ора, посреди топота, шума, гама и неразберихи, тихо и спокойно, в луже собственной крови, лежала жертва шахматной сатисфакции. Чёрная дыра с запёкшимися краями зияла аккурат по центру лба мёртвого хорунжего.

Покричали, погломонили, малость поуспокоились. Начальник гарнизона, пригрозив собравшимся всеми возможными служебными карами, плюнув и растерев, умчался прочь, прихватив с собой своего замполита. Оставшиеся закурили. Ночь близилось к рассвету. Настала пора уносить тело. Долго препирались – кому надлежит исполнять сие скорбное действие. Наконец четверо, во главе с доктором, приступили к лежащему. Взяв убиенного за руки и за ноги, его вынули из лужи крови и понесли на улицу – к подогнанной вплотную к дверям дежурки машине. В узком дверном проёме неуклюжая процессия зацепилась за косяк.

– Осторожнее... – не открывая глаз, сказал убиенный.

От неожиданности несущие выронили заговорившее тело.

– Какого хрена! – сердито сказала тело и село на полу.

Поморщившись, убитый хорунжий ощупал свою простреленную голову, после чего длинно и витиевато выругался. «Живой!» – поняли присутствующие.

(продолжение на стр.14).

(начало на стр. 13)

Дальнейший осмотр показал, что пуля, не пробив лобную кость прапорщика, прошла под кожей вдоль всего черепа до затылка, где и остановилась. Оттуда её и извлёк, пришедший в себя при помощи двойной дозы медицинского спирта, полковой врач.

Голову прапорщику забинтовали и дали ему неделю отпуска. Старлею объявили «строгий выговор» – «за ненадлежащий уход за личным табельным оружием». Каждый из начальников повздоривших «шахматистов» получил соответствующую своему чину «дыню» от начальника гарнизона. Шахматы в дежурках запретили.

История эта стала со временем достаточно известной. Но, как это водится, слухи по мере своего распространения сильно исказили суть происшедшего, и через много лет, на другом конце страны, автору приводили этот случай в качестве аргумента в споре о том, что пуля из пистолета Макарова, якобы, не способна пробить лобную кость человека. Когда же автор, как очевидец событий, уточнил, что то была лобная кость не человека, а прапорщика, все вопросы были тут же оппонентами сняты. И действительно, какой может быть разговор?! Лобная кость прапорщика – это вам не фунт изюму! Тут не о пистолете, тут разве что о гранатомёте можно вести речь...

ВТОРАЯ ИСТОРИЯ

не менее удивительна и, в отличие от первой, произошла прямо на моих глазах.

Стояла весна 85-го. В полку был день подготовки к полётам. Мы, лётчики третьей эскадрильи, высыпав на перерыве из штаба, толпились за углом здания – на солнечной стороне. Курящие курили, некурящие вдыхали полной грудью тёплый и влажный весенний воздух. Стоял обычный в этих случаях необязательный общий трép.

А надо сказать, что за штабом, на обширном, поросшем бурьяном пустыре, располагался автопарк одной из вспомогательных частей – отдельного батальона связи и радиотехнического обеспечения. От автопарка к бетонке, мимо торца здания штаба, проходила уже разъезженная до болотной консистенции грунтовая дорога.

И вот по этой дороге, от ворот автопарка, тяжело переваливаясь на колдобинах, нещадно чадя соляным выхлопом и периодически оглушительно взрыкивая, двинулся огромный «КрАЗ»: трёхосный, на широченных – «болотных» – колёсах, со здоровенным горбом сложенного локатора на спине. Разговаривать вскоре стало невозможно. Мы все, отступив поближе к стене, с любопытством наблюдали за поединком этого ревущего автомобильного монстра с орловским бездорожьем.

В этот момент из-за угла штаба вынырнул торопящийся куда-то по своим делам прапорщик. Он было уже примерился пересечь дорожную хлябь, но, увидев приближающийся «КрАЗ», передумал и остановился у края дороги. Тягач надвигался, разбрызгивая колёсами грязь. Перед выездом на бетонку был небольшой подъём, и водитель «КрАЗа», разгоняясь, поддал газу. Грязь полетела сильнее, и прапорщик, видимо желая подальше отступить от края дороги, попытался и... потерял равновесие. Ноги его скользнули по грязи, он нелепо взмахнул руками и, шлёпнувшись на пятую точку, соскользнул, как на салазках, в глубокую колею. Стёкла тягача были забрызганы грязью, и водитель не заметил произошедшего. «КрАЗ» бешено взревел, преодолевая скользкий подъём, и... переехал упавшего всеми своими тремя мостами. После чего, тяжело раскачивая горбом локатора, выскочил на дорогу и поехал прочь, довольно порывкая и разбрасывая по бетону огромные неопрятные куски грязи.

Всё это произошло буквально за секунду. Мы, открыв рты, смотрели на лежащего в колее, задавленного хорунжего. Наконец, опомнившись, кинулись к пострадавшему.

Прапорщик был ещё жив. Смертельная белизна затопила его лицо. Глаза его были полузакрыты, губы посинели и слегка дрожали. От колен до самой груди его новенький тёмно-синий комбинезон был изодран колёсами и испохаблен грязными следами протектора. Сквозь рваные дыры виднелось тело. Крови, правда, пока нигде не было. Что, в общем-то, ни о чём не говорило. Мы хорошо представляли себе – в каком состоянии были внутренние органы пострадавшего.

Не обращая внимания на дорожное месиво, мы обступили несчастного.

– Позвоночник, проверьте позвоночник, – сказал кто-то.

Я опустил на корточки, подsunул под потерпевшего руку и, шаря в грязи чуть ли не по самое плечо, как мог, ощупал позвоночник.

– Вроде цел...

– Давайте, вынимайте.

Прапорщика осторожно взяли за руки и с чмокающим звуком выдрали из трясины. Он стоял по колено в грязевой жиже – на дрожащих ногах, покачиваясь, закусив бескровную губу – и тяжело, с присвистом, дышал.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

«Ю о'кей?..» – спрашивают обычно в подобной ситуации в американских фильмах. Но мы в те времена ещё не знали о массовой продукции Голливуда.

Прапорщик вдруг отстранил держащих его под руки лётчиков и резко нагнулся. Мне показалось, что его сейчас стошнит.

– С-сука! – с выражением сказал хорунжий, оглядев себя. – Новый комбез!.. – потом он распрямился и увидел наши изумлённые лица. – Ну, чё уставились?! – хрипло спросил он. – Всё! Концерт окончен!.. – и, не разбирая дороги, пошёл прочь, хлюпя по лужам и слегка припадая на левую ногу.

– Офигеть! – стоя по колено в грязи, выразил общее мнение Юрка Воронин.

Мы дружно согласились – действительно, офигеть! Лучше, пожалуй, и не скажешь...

А дня через два я встретил «задавленного» на вещевом складе – он ругался с кладовщиком по поводу получения нового комбинезона.

Заканчивая краткое описание замечательных обитателей Орловки, мне бы хотелось упомянуть и о непосредственных местах их обитания, в смысле о конкретных домах и квартирах, в которых эти обитатели жили.

Поэтому в следующей главе речь пойдёт...

О ЖИЛЬЕ

Жили обитатели Орловки в так называемых ДОСах – домах офицерского состава. Тысячи и тысячи офицерских семей в сотнях военных гарнизонов, раскиданных от Эльбы – на западе, до Камчатки – на востоке, и от Кушки – на юге, до Новой Земли – на севере, проживали в те времена в точно таких же стандартных пятиэтажках. Вероятно, и жилищные проблемы у них у всех были схожими. Тот, кто хоть недолго пожил в стандартных военных ДОСах, обязательно найдёт в последующем моём повествовании какие-то знакомые черты и детали своего гарнизонного быта. Орловка в длинном общем ряду военных городков выделялась разве лишь тем, что все эти черты и детали были в ней собраны и сконцентрированы до некой, даже уже почти неприличной степени. Порой создавалось полное впечатление того, что над орловскими жителями кем-то был поставлен затаенной и не вполне гуманный эксперимент на выживаемость в экстремальных условиях.

(продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!
«ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Напоминаем, что условия конкурса опубликованы в «Светлячке» №9(30) за сентябрь 2013 года. Прочесть нашу газету вы можете, набрав в поисковой строке: литературно-краеведческая газета «Светлячок».

Наталья Иванова,

Пено

О двух морковях стих недлинный мой,
Их сказочной любви необычайной.
Любовь, её не скроешь под землёй,
От любопытных глаз не спрячешь тайны.

Им жить бы тихо-мирно тет-а-тет,
Не жизнью звёзд, как в глянцевом журнале,
Но осенью о них гудел инет,
Их страсть в стихах поэты воспевали.

Пылал сентябрь, народ валил в кино:
"Влюблённая морковь спешит на помощь".
Слагал поэмы некто Бобунов:
"Морковь. Любви покорен даже овощ!"

Но славы дым исчез, как в полдень тень.
Пришла зима. О них забыли вскоре.
Попали в борщ они в один и тот же день...
А всё-таки счастливая love story!*

* love story - любовная история

Владимир Невский,

Селижарово - Москва

Она: Я мужа корила фоткой:
Смотри, КАКАЯ ЛЮБОВЬ!!!
Готова я стать Морковкой,
Но... ты у меня не МорковЪ.

Он: С легкой грустью смотрю я на фотку
И Моркову завидую я,
Где б найти мне такую Морковку,
Чтоб так нежно ласкала меня.

Работы присылать в электронном варианте по адресу: andkniga@andreapol.tver.ru

или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;

или приносите в районную библиотеку.

• Хроники путешествий

Я гуляю по Парижу ...*Зонтик в клетку, рыжий-рыжий,**И под зонтиком рыжо,**Я гуляю по Парижу –**Праздний ветреный пижон.*

Эту песню Владимир Юринов написал задолго до того, как побывал во Франции. Париж был городом его мечты. В своё время Владимир окончил курсы военных переводчиков, где изучал французский язык. И как это пригodiлось. Потому что – случилось! Недавно они с женой побывали в столице Франции в туристической поездке. Супруги сделали себе такой подарок в честь собственной серебряной свадьбы. В одном из отелей нашего туриста даже похвалили за хорошее произношение.

Париж не разочаровал, путешествие превзошло все ожидания.

Недавно увиденное в поездке Владимир представил на заседании клуба «Светлячок».

«Светлячковцы» с удовольствием «прогулялись» с ним по узким парижским улочкам, по Елисейским полям, любовались городом с высоты Эйфелевой башни... Это было нетрудно, потому что рассказ был увлекательным, а работники библиотеки помогли воспроизвести парижские виды на телеэкране.

Прочитанное в песенном тексте не примите, пожалуйста, за иллюстрацию к путешествию. Всё было намного содержательней и серьёзней. А песня – всего лишь шутка молодого «ветреного пижона» в предвкушении свидания с городом свободы и мечты.

ПАРИЖСКОЕ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

Зонтик в клетку рыжий-рыжий,

и под зонтиком рыжо.

Я гуляю по Парижу –
праздний ветреный пижон.

С парижаночками шашни
я, конечно же, кручу
и на Эйфелевой башне
с ними семечки лущу.

Что же видят парижанки?

Сибарит и бонвиван.

Толстый «пресс», тугой от франков,
оттопырил мой карман.

Элегантный и высокий,
заводной – лишь только тронь.

И летят, летят красотки
мотыльками на огонь.

Я гуляю по Парижу:

вот – Булонь, а вот – Монмартр.

Водяною пылью брызжет
мне на зонтик месяц март.

И, как мартовский котяра,
я хожу, расправив грудь,
и пустая стеклотара
метит пройденный мной путь.

Ах, как весело поётся!
Ах, как дышится легко!
Щедро пенится и льётся
золотистое «Клико».

По парижским, по бульварам
реет русская душа,
и цыганские гитары
резво зонтики кружат.

Зонтик в клетку рыжий-рыжий,
и под зонтиком рыжо.

Хорошо весной в Париже –
вольнодумно и свежо.

Мне бы век здесь тусоваться,
сладко крыльями трещать...

Только время просыпаться –
на работу ковылять...

Владимир Юринов